

Марина Гехт

«Мальчик, запали спичку»: пути обхода праздничных и шаббатных запретов в еврейской традиции (по материалам экспедиций в Риге и Латгалии)

Один из самых крупных блоков вопросов в программах-опросниках, по которым удалось собрать сведения в ходе полевой работы в Латгалии и Риге, – это воспоминания о еврейских праздниках и о шаббате. Такого рода нарративы уже были представлены в сборнике «Утраченное соседство. Евреи в культурной памяти жителей Латгалии. Материалы экспедиций 2011–2012 годов» [Андрушкевич, Гехт 2013]. Среди этих воспоминаний особое место занимают рассказы о том, насколько евреи соблюдали религиозные запреты на работу в эти дни и какими способами обходили их. Как известно, в субботу, а также во время многих еврейских праздников действует строгий религиозный запрет на выполнение каких бы то ни было работ. Наши информанты – как евреи, так и не-евреи – рассказывают о шаббате как дне отдыха для евреев; информанты обычно знают и о запрете на работу в основные календарные праздники. Воспоминания о соблюдении шаббата и запрета на работу в праздничные дни очень сильно варьируются – некоторые информанты подчеркивают, что, когда они были детьми, суббота и праздники соблюдались «как положено, по всем правилам»;

для других эти дни отличались лишь тем, что в это время не было занятий в еврейской школе. Некоторые информанты вспоминают, что, несмотря на запрет, работать все же приходилось:

[А субботу как-то по-особенному отмечали?] Да, конечно. Это святой день. В школу не ходили в субботу. <...> [А дома что происходило в субботу?] Делали кое-что, печку надо было топить, топили. Это я хорошо помню, как печку топили. Холодно было в Латгалии. [Riga_14_03]

[А дома какую-то работу делали, по дому?] Конечно. Ну, можете себе представить. Была корова, доить надо было, было хозяйство, шесть детей. [Isr_12_01]

Часто информанты-евреи рассказывают о случаях, когда запрет на работу нарушали, но старались скрыть это от раввинов или авторитетных, религиозных людей:

Рассказываю такой анекдот. Мой папа был курильщик, заядлый. Однажды он шел в субботу, он оделся понарядней, новые брюки, денег все это

стоило. Идет и курит. Вдруг видит – ему раввин идет навстречу. Он спрятал папиросу в карман, прожег новые штаны. Мама много раз рассказывала. Родители были верующими. [Rez_13_01]

Кошерное должно быть. А дедушка – тем более... Он был правая рука раввина. Мама говорила: «Смотрите, следите, чтобы дедушка не пришел, чтобы не было масла с хлебом!» [Riga_14_25]

Один из вариантов этого типа нарушения запретов – детское непослушание. Приведем пример о преднамеренном нарушении ребенком строжайшего поста на праздник Йом-Кипур (Йонкипер). В этом случае в качестве религиозного авторитета выступают родители:

Помню, как меня один раз отлупили хорошенько. Это когда в Йонкипер нельзя было кушать, а мы с пацаном убежали в кондитерскую, понесли пирожных, а сутки нельзя было кушать. [Riga_14_05]

Невозможно не отметить юмористический характер таких рассказов. Действительно, комичные ситуации, когда тайное несоблюдение религиозных запретов становилось известным общине, описаны и в художественной литературе (см., например, рассказ Шолом-Алейхема «Что нашли в карманах» [Шолом-Алейхем 2012]), и во многих анекдотах. Приведем два анекдота из наших материалов, в обоих рассказывается о нарушении поста в Йом-Кипур:

Я вам скажу, был такой анекдот, подождите. Когда во время Пасхи, три-четыре мацы оставляют, «афикеймен»¹ называется, так? И одного еврея спросили: «Зачем мы оставляем несколько мацес?» – «Это для того, чтобы на Йонкипер можно было покушать!» [Riga_14_09]

¹ Здесь «афикоман» – кусочек мацы, которую заворачивают в салфетку и прячут во время седера (ритуальной трапезы в первый и второй день Песаха). Пасхальная трапеза заканчивается, когда дети находят афикоман. Афикеймен – вариант произносительной нормы (в северо-восточном диалекте идиша), характерный для Латвии.

В тот момент, когда открывается Орен Кейдеш², выносятся Тейре³, там все эти кээны⁴, на голове, богу молятся. И такой старый еврей, стоит, трясется: «Ребе, может быть, будем заканчивать?» – «Подождите, я еще не поел!» У него маца была с собой на Йонкипер! [Riga_14_09]

Однако кроме рассказов о прямых нарушениях запретов, многие информанты сообщают и о «легитимных» способах обхода запретов, при которых фактически закон не нарушается.

Наиболее распространенный способ обхода запрета в субботу – это использование помощи нееврея, человека, на которого религиозные постановления иудаизма не распространяются. Многие исследователи уже обращались к теме шабес-гойя (см., например, Я. Кац [Katz 1989]). Фольклорист Алан Дандес в книге «The Sabbath Elevator and Other Sabbath Subterfuges» («Субботный лифт и другие субботние уловки») пишет: «Почти все субботние правила можно обойти, просто имея в своем распоряжении нееврея, иноверца, известного иначе как «шабес-гойя», для того, чтобы он выполнял запрещенные действия» [Dundes 2002, 62]. Об этой практике часто упоминают и евреи, и неевреи Латвии – для последних это часто является одним из наиболее ярких воспоминаний о евреях, иногда даже единственной ситуацией столкновения с еврейской традицией. Рассказы о том, как евреи просили соседей-неевреев (обычно детей) что-либо сделать в доме в субботу (чаще всего – зажечь спичку, иногда – задуть свечку, убрать со стола, отнести что-либо и т.д.) – одни из самых частых. При этом некоторые информанты упоминают, что это был для них, детей, хороший способ получить какую-то награду, угощение и т.п. Мно-

² Арон-кодеш – синагогальный ковчег, специальное хранилище для свитков Торы. Орен Койдеш – вариант произносительной нормы (северо-восточный диалект идиша), характерный для Латвии.

³ Тора. Тейре – вариант произносительной нормы (северо-восточный диалект идиша), характерный для Латвии.

⁴ Коэны – священнослужители из рода потомков Аарона. Кээны – вариант произносительной нормы, характерный для Латвии.

Петр Гельфанд. Рига, июль 2014

гие информанты, вспоминая об этом, заключают, что евреи были очень богобоязненны и соблюдали религиозные предписания с большей обязательностью, чем латыши и русские. Также очень часто информанты рассказывают, что кто-то из их родственников-женщин (мама/тетя/бабушка и т.п.) работала в еврейском доме. Правда, в таких рассказах чаще всего не уточняется, какую именно работу они выполняли и делали ли что-то специально в субботу или в праздник.

Если приходила в город в субботу, старушка на улице могла попросить зажечь плитку и давала сантим. [Kars_14_01]

У евреев была суббота утром – праздник. «Спичку... Иди, мальчик, запали спичку». Даже такие были дни, что она спичку не зажигала. В помещении было свеча горела. Свечка. У окна.

Одна. Да, одна. Чуть сумерки – все, праздник у них исчезает. [Kras_12_17]

Наши информанты-евреи в своих рассказах часто также вспоминают о том, как в субботу к ним приходили русские или латгальские женщины, обычно – из числа соседей, чтобы подоить корову, поставить самовар, истопить печь или сделать еще какую-либо работу. Следует отметить, что термин «шабес-гой» они не употребляют. В большинстве случаев речь идет о разовой работе, о приходах только раз в неделю для выполнения определенной работы. Большинство наших информантов не держали постоянной прислуги, но и те, у кого она была, тоже рассказывают о том, что некая «соседка»/«русская»/«латгалка» приходила именно для выполнения не терпящих отлагательства работ в субботу. Рассказы о том, как

договаривались с таким человеком (включая то, как обходили запрет на просьбу о работе в субботу – ведь согласно еврейскому закону, пользоваться помощью нееврея можно только в том случае, если он эту работу сделал прежде всего для своих нужд) и как оплачивали его работу, нам записать не удалось, поскольку наши информанты рассказывают о временах, когда были детьми и не могли знать, как организуется работа таких «шабес-гоев». Впрочем, наши информанты-евреи знают, что для их сверстников-неевреев помощь в еврейском доме в субботу была способом заработать конфет или других сладостей.

[А в субботу не работали?] Нет. Даже нельзя было самовар поставить. Приходила соседка и зажигала самовар, чтобы чай попить. В субботу печку не топили, не готовили ничего, в пятницу вечером после обеда мама все приготавливала в русской печке. Печка закрывалась, было тепло. Так что соблюдали праздники. [Riga_14_02]

А потом целый день нельзя зажечь огонь, ничего. Вот у нас была корова, да? Так приходила там знакомая, крестьянка, она доила корову. Никаких работ в субботу, никаких, даже свечи не зажигали. Суббота было мертво. Эта женщина, знакомая, латышка или русская, крестьянка. [Riga_12_01]

До войны к субботе – и рыбу, и бульон, и картошку с мясом. Печки истопят в пятницу и в глиняных горшках все составляют. Чтобы в субботу не греть, не топить. Если что-то надо, то придет русская, сделает. Сами – ничего. В субботу выбирали все горячее из русских печек. Рыбу, все, очень много. Цимес, бульон, кугель, чтобы в субботу до вечера ничего не греть, не готовить. [Riga_11_02]

Не, бабушка там, вот эти соседи, которые через..., там дети бегали, и они прибежали у бабушки зажигали печку или что там. [Дети, да? А дети были нееврейские?] Нет. [А она им что-то..?] Давали конфеты или там что. [То есть они уже знали?] Да, в пятницу они уже стояли там около ворот и ждали, чтобы их позвали. [Riga_15_14]

Кроме того, нам удалось записать рассказы о распространенной во время Песаха практике отда-

*Дед Шломо Камайского. (1920-е, Карсава)
(из личного архива Ш. Камайского)*

вать или символически продавать неевреям квасное, запрещенное к употреблению всю праздничную неделю. Более того, в одном случае информант рассказывает, как во время пасхального седера (ритуальной трапезы в первый и второй день Песаха), согласно принятому ритуалу, перечисляют «казни египетские» (идиш. «макес»). При упоминании каждой казни отливали по капле вина. Небольшое количество вина, символизирующее казни, отдавали дворнику:

На Пасху к нам всегда приезжали гости из Риги <...>, нас человек сорок было. Как положено. Макес отливали, на завтра отдавали дворнику. Вино, деньги обязательно. Как настоящий Песах. [Riga_12_03]

Таким образом вино, символизирующее беды, не выливали, но и не пили сами. М. Каспина в статье «Столкновение закона и обычая в традиционной культуре евреев Восточной Европы: народный иудаизм» связывает эту практику с «идеей обмена, замены или смены статуса спорного объекта (нееврей заменяет еврея, символически покупает у него спорные вещи)» [Каспина 2013]. А. Байбурун описывает этот универсальный механизм, применяемый в случае обхода запретов не только в еврейской среде: «Итак, некоторые запреты можно было обойти, применив принцип намеренного снижения статуса объекта и тем самым сузив сферу его использования» [Байбурун 2001]. Можно к этому добавить, что, по крайней мере, в последнем случае можно говорить и о том, что замена еврея на нееврея представляет собой ритуальный обман [Толстая 2004].

Существуют также и другие способы обхода субботних запретов, не предполагающие помощи нееврея. К настоящему моменту нам удалось записать несколько рассказов о них. Так, одна из наших информанток (жительница города Преи́ли в Латгалии) говорит:

Но помню, в субботу ничего в руках носить нельзя. В субботу надо все выбирать из карманов. Нельзя в карманах ничего носить. Сумочку тоже нельзя, никто не ходил с сумкой. Платочки повязывали на руку. Это немножко глуповато, я считаю. [Preily_11_01]

Повязывать платок на руку – распространенный способ обойти запрет на ношение каких бы то ни было предметов в субботу. Авторы книги «Жизнь с народом» М. Зборовский и Э. Херцог указывают, что носовой платок может быть привязан вокруг запястья или спрятан за ремнем, поскольку носить его в кармане нельзя [Zborowski, Herzog 1955, 50]. А. Дандес пишет по этому поводу следующее: «Аналогичный пример – прикрепить платок к своему пальто, спрятать внутри рукава или обвязать его вокруг своей талии <...>, так что технически платок не несут, так как это запрещено» [Dundes 2002, 51]. В этом случае можно говорить об изменении статуса предмета – из

«внешнего», отдельного предмета платок превращается в часть человека, часть того, без чего человек не бывает вне дома – одежда, обувь, головной убор, прическа. В основе этой практики лежит ритуальный обман: несмотря на запрет на ношение предметов в праздники, его носят, делая вид, что он является частью одежды. Следует обратить внимание на то, что сама информантка замечает «неестественность» этой манеры, своего рода притворство («Это немножко глуповато, я считаю»).

Информанты указывают, что в условиях, когда невозможно было отказаться от работы в субботу (поскольку это грозило бы увольнением и потерей заработка), работать разрешалось:

Отец даже ходил, спрашивал у раввина, можно ли по субботам ездить. Ответил, что если такие случаи бывают, то ничего не сделаешь, Бог простит. Когда надо срочно ехать, или, например, что-то случается. <...> По субботам иногда приходилось ездить. Уедет в обед, а не успевает, свечи надо зажигать. <...> Раввин ему разрешил по субботам ездить, может быть не с охотой, ну, а что было делать, другой работы не было. Раввин же не зверь, понимал. Отец мог в конторе работать, но ему не нравилось, да и писать тоже нельзя, школы же даже были закрыты в субботу. Мама работала в магазине. Потом закрыла магазин, дети пошли, и магазинов стало много, больше, чем надо. Где не устроишься, по субботам надо было либо писать, либо ехать. Может раввин грешил, что разрешил. Грехи идут на того человека. Другие говорят, ай, болеть будешь, если будешь работать в субботу. А нет, он не болел. По субботам он обычно не работал. Но если только задерживался, работа задерживала. Ходил в синагогу. А вот к зажиганию шаббатных свечей не всегда успевал. [Preily_11_01]

В этом отрывке рассказчица сообщает, что ее отец получил разрешение от раввина на работу в субботу, потому что другой возможности прокормить семью у него не было. При этом информантка подчеркивает, что было разрешено только ездить на машине (но не таскать мешки). Стоит обратить внимание также на то, что отец рас-

сказчицы соблюдал все праздники, ходил в синагогу и, похоже, был вполне богобоязненным евреем. Создается впечатление, что информант верит, будто разрешение раввина избавило отца от Божьей кары за несоблюдение запрета – болезни. В этом случае речь идет об одном из наиболее частых видов «легитимного» несоблюдения запрета – «пикуах нефеш» («спасение души») – важный законодательный принцип: если жизнь человека в опасности, запрещающие заповеди становятся недействительными. Это относит нас в начало статьи, где приводились воспоминания информантов о том, что в субботу и в праздники надо было топить печку, доить корову и т.п. – самые необходимые ежедневные дела. Возможно, что в тех случаях речь идет также о «легитимном» нарушении во имя спасения жизни, несмотря на то, что информанты не отмечают это отдельно. В любом случае все эти примеры не являются классическими примерами «пикуах нефеш» (как, например, отказ от поста в Йом Кипур из-за болезни, использование транспорта в праздник, чтобы отвезти человека в больницу, работа пожарных и т.д.). Таким образом, мы можем говорить не только о трансформации традиции празднования шаббата и календарных праздников в XX веке, но и о трансформации именно этого галахического (законодательного) принципа.

Итак, можно сказать, что в контексте нарративов о еврейских праздниках информанты часто вспоминают о запретах на работу в праздничные дни и о том, как эти законы удавалось обходить/можно было нарушать – иногда благодаря уже существующему в еврейском законе разрешению, иногда – с отдельного разрешения религиозного авторитета, иногда – без разрешения вовсе. Наиболее популярной, несомненно, является практика обращения к услугам шабес-гоя. Следует отметить, что сами информанты никогда не расценивают эту практику как уловку; это свидетельствует о том, насколько прочно она закреплена в еврейском законодательстве. Что касается других рассмотренных примеров, то в их основе, как правило, лежат такие механизмы, как замена одного объекта другим, изменение статуса предмета или ритуальный обман.

Мама Ривы Мордуховны Нурок (Фальковой).
Латгалия, 1910-е

Литература и источники

- Андрушкевич, Гехт 2013 – *Андрушкевич В., Гехт М.* Рассказы о еврейских праздниках. // Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии / Под ред. С. Амосовой. М., 2013. С. 177-190.
- Байбурин 2001 – *Байбурин А.К.* «Нельзя... но если очень нужно...» (к интерпретации способов нарушения правил и запретов) // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб., 2001. С. 4–11.
- Каспина 2013 – *Каспина М.* Столкновение закона и обычая в традиционной культуре евреев Восточной Европы: народный иудаизм. // Антропологический форум-online. 2013. №13.

- Толстая 2004 – *Толстая С.М.* Обман // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И.Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 457-460.
- Шолом-Алейхем 2012 – *Шолом-Алейхем.* Что нашли в карманах. // *Лехаим.* 2012. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/245/sholom-aleyhem.htm>. (Дата обращения: 05.03.2016)
- Dundes 2002 – *Dundes A.* The Sabbath Elevator and Other Sabbath Subterfuges: An Unorthodox Essay on Circumventing Custom and Jewish Character. Lanham; Md., 2002.
- Katz 1989 – *Katz J.* The Shabbes Goy: A Study in Halakhic Flexibility. Philadelphia; Jerusalem, 1989.
- Zborowski, Herzog 1955 – *Zborowski M., Herzog E.* Life Is With People: The Culture of the Shtetl. New York, 1955.